

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ О ГРАФѢ В. А. ПЕРОВСКОМЪ.¹⁾

Письмо Б. А. Перовскаго.²⁾

Я уже давно получилъ твое письмо, но замедлилъ отвѣтомъ по разнымъ причинамъ. Теперь же постараюсь удовлетворить твоему желанію³⁾ имѣть разъясненіе на твои вопросы.

Во—первыхъ, о разсказѣ настоятеля Георгіевскаго монастыря, который нашелъ на берегу присланный Прянишниковымъ⁴⁾ крестъ и поставилъ его на мѣсто. Это должно быть не такъ: Василій Алексѣевичъ передъ смертію⁵⁾ высказалъ мнѣ свое желаніе, какъ и гдѣ онъ долженъ быть похороненъ и какой крестъ долженъ быть поставленъ на его могилѣ. Вслѣдствіе этого, уѣзжая изъ Крыма, я поручилъ Симферопольскому архитектору, котораго фамиліи не помню, прислать мнѣ выкройку свода (lacrabe) церкви, въ склепѣ которой положили тѣло Вас. Алекс. Когда крестъ этотъ былъ отлитъ, и вдѣланъ въ него

---

¹⁾ Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій состоялъ сначала (съ 1833 года по 7 мая 1842 г.) Оренбургскимъ Военнымъ Губернаторомъ, а потомъ (съ 22 марта 1851 г. по 7 апрѣля 1857 г.) Оренбургскимъ и Самарскимъ Генераль-Губернаторомъ. Въ графское достоинство возведенъ въ 1855 году.—*С. Н. М.*

²⁾ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій, письмо котораго мы приводимъ ниже, родной братъ бывшаго Оренбургскаго Генераль-Губернатора В. А. Перовскаго; онъ присутствовалъ при кончинѣ послѣдняго и поставилъ крестъ надъ его могилой. Съ 1861 года Б. А. Перовскій состоялъ воспитателемъ Великаго Князя Александра Александровича, впоследствии Императора Александра III-го („Р. Старина“, 1914 года, май, стр. 220—221).—*С. Н. М.*

³⁾ Письмо написано къ сыну В. А. Перовскаго—Алексѣю Васильевичу Перовскому, который почему-то не былъ при кончинѣ отца и только гораздо позднѣе собрался посѣтить его могилу.—*С. Н. М.*

⁴⁾ Кто былъ этотъ Прянишниковъ,—намъ не удалось узнать.—*С. Н. М.*

⁵⁾ Графъ В. А. Перовскій скончался 8 декабря 1857 года въ Крыму, въ Алушкѣ.—*С. Н. М.*

образъ Спасителя, который для этого дала гр. Александра Андреевна,¹⁾ то онъ былъ отправленъ въ Крымъ—съ порученіемъ тому же архитектору поставить его на мѣсто, что онъ и исполнилъ. Прянишниковъ же, сколько мнѣ извѣстно, никакого креста туда не присылалъ и о настоятелѣ, который ставилъ его на мѣсто, я слышу въ первый разъ, потому что по этому случаю я былъ въ перепискѣ съ архитекторомъ, а, можетъ быть, еще съ Симферопольскимъ губернаторомъ Жуковскимъ (самыхъ подробностей, какъ и кому писалъ тогда объ этомъ, я, признаться, теперь не припомню). Если тебѣ случится еще видать этого настоятеля, оставь это дѣло такъ—не стоитъ спорить съ нимъ объ этомъ, даже если бы онъ хотѣлъ и прихвастнуть. Въ самомъ же склепѣ, то есть—тамъ, гдѣ поставленъ гробъ, онъ былъ обдѣланъ, сколько мнѣ помнится, обыкновеннымъ крымскимъ камнемъ, какъ это устроено для гроба—не помню чьего—поставленнаго у противоположной стѣны того-же склепа. Ты неправильно называешь это памятникомъ—памятникъ въ церкви, а внизу, въ подвальномъ этажѣ, дѣлается вмѣсто могилы каменное хранилище, въ которое вдвигается гробъ и задѣлывается. Впрочемъ, если бы ты желалъ, чтобы этотъ крымскій камень былъ еще одѣтъ мраморною или какою либо другою плитою, пожалуй, прицѣнись и закажи сдѣлать это: я заплачу. Василій Алексѣевичъ умеръ въ нижнемъ этажѣ алушкинскаго дома—въ той комнатѣ, изъ которой окошко приходится почти противъ огромнаго дерева, кажется, орѣховаго, (его легко замѣтить потому, что оно въ этомъ мѣстѣ сада одно такой величины). Александра Андреевна во время нашего пребыванія въ Алулкѣ жила въ маленькой комнаткѣ—черезъ комнату отъ той, гдѣ скончался Василій Алексѣевичъ. Черезъ корридоръ оттуда жилъ я, а подалѣе—Круневичъ и священникъ Канидій Ивановичъ.²⁾ Но врядъ ли все это для тебя будетъ понятно. Изъ корридора, спустившись нѣсколько ступеней, можно было проходить къ Василью Алексѣевичу, но мы обыкновенно проходили садомъ, входя къ нему съ того крыльца, которое, сколько мнѣ помнится, возлѣ воротъ,—чтобы не проходить черезъ ту комнату, въ которой жила

¹⁾ Графиня Александра Андреевна Толстая, о которой идетъ здѣсь рѣчь, приходилась родной теткой Алексѣю Васильевичу Перовскому.—С. Н. М.

²⁾ О какомъ Круневичѣ идетъ тутъ рѣчь—мы не беремся сказать, но подъ священникомъ Канидіемъ Ивановичемъ нужно разумѣть, повидимому, того священника, который былъ послѣднимъ духовникомъ В. А. Перовскаго и о которомъ есть упоминаніе въ книгѣ И. Н. Захарьина (Якунина): „Графъ В. А. Перовскій, его зимній походъ на Хиву“. Но здѣсь онъ называется не Канидіемъ Ивановичемъ, а Кондратіемъ Ивановичемъ. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе, такъ какъ имени „Канидій“ въ православныхъ святцахъ не имѣется совсѣмъ.—С. Н. М.

Александра Андреевна. Вотъ, любезный Алексѣй, по мѣрѣ возможности растолкованіе того, что тебѣ хотѣлось знать. Можетъ быть, по этому описанію ты отгадаешь ту комнату, въ которой скончался твой отецъ, благословляя тебя. Я вполне чувствую и понимаю то впечатлѣніе, которое произвела на тебя его могила, и тѣ мысли или, лучше сказать, тѣ чувства, которыя толпились въ груди твоей, когда ты молился на его гробъ. Утѣшься тою мыслию, что въ земной жизни своей онъ съ тобою примирился и благословилъ тебя, умирая, а въ будущей—будетъ твоимъ заступникомъ и ходатаемъ предъ гробомъ. Молись тою молитвою, которую внушила тебѣ его могила и твое раскаяніе, и Богъ услышитъ тебя; не прими моихъ словъ въ дурную сторону, потому что я ихъ тебѣ говорю отъ души и потому, что такъ сказалъ тебѣ твой отецъ, если бы онъ былъ живъ.

Двѣсти рублей, о которыхъ ты мнѣ пишешь, я пришлю тебѣ вмѣстѣ съ третними деньгами въ концѣ Декабря или началѣ Января.

Прощай, будь здоровъ, Христосъ съ тобой.

Перовскій.

26 Ноября 1861 года.

Ты никакого адреса мнѣ о себѣ не даешь и потому я надписываю это письмо просто въ Одессу, а такъ оно можетъ затеряться и мнѣ это было бы непріятно.¹⁾

Сообщилъ священникъ Н. Н. Модестовъ.

---

¹⁾ Подлинникъ этого письма хранится въ Архивѣ Оренбургской ученой архивной комисіи.—С. И. М.